

LUCIANA MAPASI

3a DgHY mHYHY gD...

16+

Мария Лисина
За одну минуту до

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лисина М.

За одну минуту до / М. Лисина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Великолепное представление ожидает сегодня трех совершенно разных людей. Надю- танцовщицу кордебалета, Владимира- не особо успешного врача, Славу- студента театрального училища. Они бегут от проблем, трудностей и реальности. В итоге их ждет что-то большее, чем яркая театральная постановка.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
За одну минуту и тринадцать часов до...	5
За одну минуту и двенадцать часов до...	7
За одну минуту и четыре часа до...	10
Сказка о Белых вершинах	13
Глава 2	18
За одну минуту и три часа до...	18
За одну минуту и пять часов до...	21
За одну минуту и четыре часа без трети часа до...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть 1

Глава 1

За одну минуту и тринадцать часов до...

Она проснулась от звука, смазавшего всю идиллию сна. На пол с заваленного бумагами стола упала тетрадка, которую, вероятно, задел Петрунин. Сам виновник пробуждения сидел в ногах девушки и умоляюще мурчал- просил еды. Высокая и худая, как тополек, девушка нехотя скатилась с нагретого места, на котором планировала находиться еще хотя бы минут двадцать, и окунулась всем телом в остывший комнатный воздух, который сдернул с нее остатки сна, так же быстро, как дети срывают подарочную упаковку с подарков. Обняв себя за плечи, проснувшаяся уверенным шагом направилась в крохотную кухню, чтобы достать из ящика дорогой кошачий корм.

Кухня, похожая скорее на крошечный склад, чем на помещение, где обитает человек, встретила ее радушным розово-золотистым солнцем, проникнувшим в помещение через не зашторенные, продуваемые всеми ветрами окно.

Петрунин довольно захрустел подушечками-колечками, едва лишь съестное коснуласьменной фарфоровой миски, которую привез ему Максим около месяца назад.

Девушка направилась в ванну, занимающую еще меньше места чем кухня, где недовольно уставилась на свое отражение в старом пожелтевшем и помутневшем по краям туалетном зеркале. Оттуда выглядывала, пожалуй, излишни худенькая высокая девушка с растрепавшемся пучком белесых волос из-за чего ее не особо примечательное лицо казалось еще невыразительнее. Тусклые и практически бесцветные глаза по оттенку хорошо сочетались с дешёвенькой плиткой, которой были выложены стены и пол комнаты, отчего молодая особа подсознательно веселилась. Лишь веснушки, рассыпанные по всему телу, задорно поблескивали, пытаясь подмигнуть девушке.

Перед тем, как выйти из душевой, представлявшей собой отверстие в полу, задернутое пожелтевшей некогда голубой шторкой с рыбками, девушка в очередной раз бросила недовольный взгляд на родимое пятнышко в форме короны, расположившееся у нее на предплечье, немного ближе к локтю. Хозяйка родинки, порой сама задавала себе вопрос, почему ее мать, так восхищающаяся это отметиной, по ее словам, бога, не назвала ее как-нибудь солиднее. Почему ее не окрестили Анжеликой, Викторией или на худой конец Златой, почему мама нарекла ее именно Надей, столь же бесцветным именем, как и его обладательница сама.

До сих пор, хотя после школы прошло уже почти двенадцати, девушка мысленно именует себя Белой молью, когда приходится как-то охарактеризовать себя в сравнении с другими. Злополучное прозвище преследовало ее практически все годы, проведенные ей в академии. Поэтому с этим, въевшимся в ее подсознание словосочетанием было практически невозможно распрощаться.

Когда с завтраком, состоящем из пареного яйца, йогурта со злаками и апельсина было покончено, Надежда, закутавшись в плед, залезла на небольшое кресло, приставленное почти к самому окну и, потягивая крепкий черный чай, принялась смотреть в окно.

Сегодня было не примечательно мартовское утро, особо не одаренное яркими красками, за исключением, пожалуй, невероятной лазурности неба. С третьего этажа высотки, где жила девушка было хорошо видно двор, являющийся связующим звеном между шестью жилыми зданиями, окружавшими его. Было около шести утра, утро пятницы, поэтому муравьишки-

люди в серых дутых куртках уже спешили к метро, наилучшему изобретению человечества всех времен. Мужчины с рюкзаками на спинах и включенными наушники старательно отгораживались от действительности или же старались оттянуть момент попадания в вакуумно-бессловесный офис.

Женщины в такой ранний час уже с маленькими детьми, снабженными гигантскими цветными ранцами, спешили в элитные школы, где строилось будущее их детей, составленное из сворованных ранних пробуждений и постоянных длительных поездок в общественном транспорте. Подростки вальяжно топали на автобус, отправляемый лучшим в районе лицеем, чтобы там грызть гранит науки аналогично рано, как и дети целеустремленных женщин. Серые пальто скрывали бабушек, выгуливающих своих питомцев, сильно выделялись из этой, текущей в одну сторону, занятой массы. Пожилые женщины медленно ходили по детской площадке или по краюшку спортивной зоны, чем должно быть делили всех этих гонящихся за успехом людей.

Девушка же обладала особой привилегией вообще никуда не спешить сегодня утром, потому что пара постановок в театре, где она выступала, были отменены из-за проблем с главными актёрами. Почему завертелась вся эта канитель? Девушка не знала, да и знать, если честно, не хотела, потому что сегодняшней необычайно сказочный солнечный день надеялась провести с Максимом, пригласившим ее в театр.

– Ну что Петруня? Ты схоячил свой элитный корм?

Кот бесшумно подошел к хозяйке и понимающе, почти что осознанно, посмотрел на нее желтыми, сузившимися от солнца, глазами.

– Ну и отлично. Не хочешь кофе?

Кот запрыгнул на подоконник, даже подошел к чашке с напитком, но затем недовольно фыркнул из-за неприятного запаха и, отвернувшись от хозяйки, улёгся на самый краешек дивана, вплотную придвинутого к окну.

– Ну и отлично. Как думаешь? Эй, да на злись... Как думаешь, Максим меня туда позвал серьезно или как всегда?

Кот не удостоил ее взглядом, а лишь недовольно дернул хвостом.

– Я тоже думаю, что он как всегда не успеет. – девушка грустно вздохнула и перевела взгляд на аккуратно сложенное на комод платье, ждущее своего выхода в свет.

– Ну может быть? В это раз он просто немного опоздает..., и мы посмотрим мюзикл вместе?

Кот повернул на нее голову, словно говоря: «Верится с трудом, дорогуша.»

Надя грустно улыбнулась ему в ответ и подумала, что это действительно будет так. Что Максим там поступает уже почти что два года с небольшим- все то время, когда они встречаются.

Сначала ее это злило, затем раздражало, а сейчас она просто безнадежно улыбается, потому что каждый раз, как бы парень ни ошибался, Надя его прощает, стоит ему лишь недолго приподнять плечи и посмотреть на нее «извиняющевиноватым» взглядом. А почему же так происходит? Возможно в том был его талант, а возможно Надя просто не могла стереть из своей памяти такой же взгляд, который потерялся навсегда, но глубоко запал в сердце.

– А может все-таки...

И снова огонек надежды зажегся где-то в глубине ее сознание, так же как он зажигался уже сотни раз, и снова девушка отправилась на растяжку, которая позволяла успокоиться и не думать о том, что пламя вновь потухнет, как и множество раз до.

Сколько себя помнила, Надя занималась балетом. Наверное, даже в утробе матери она тянула носик и поднимала руки, или изящно выгибала колени. Так в пять лет девочка каждое утро проводила у станка, что в пятнадцать встречала свои дни рождения в балетном классе, что сейчас, почти в тридцать, идет к станку, заменившему ей руку поддержки и слова утешения.

Иногда, когда ноги очень болели, или девушке вспоминал, что недостаточно подходит для главных партий, в голову закрадывалась мысль о том, чтобы бросить все это и уйти в какую-нибудь частную школу, детский сад педагогом или хореографом. Но потом ровно те же шрамы и рельефные мышцы ног, при взгляде на которые сразу было понятно сколько потрачено сил на их формирование, заставляли ее отодвинуть эту мысль так далеко, так далеко, как хватит фантазии.

Надя встала к небольшому станку, занимающее крохотную нишу напротив окна, данное пространство обычные люди частенько занимают широким плазменным телевизором или компьютером со всеми сопутствующими чудесами технической мысли.

Девушка занималась около двух часов, и только когда руки стали предательски подрагивать и не сгибаться под нужным углом, с растяжкой было покончено, что, несомненно, вернуло балерину в реальность, о которой в последние два года она частенько хотела бы забыть.

С чего все началось? Должно быть с холодного январского вечера, когда Надя внезапно исполнила одну из заглавных партий, причем абсолютно случайно и, как потом оказалось, совершенно неблестяще.

Она была дублершей Мирты, повелительны умерших невест, в спектакле. Обстоятельство было связано даже не с ее талантом, а невозможностью представить более достойную кандидатуру. Но случилось чудо-горе, и солистка очень сильно повредила ногу, когда шла на репетицию.

Тем вечером, Надя старалась, надеялась, что пришел ее звездный час, что стоит приложить лишь немного усилий к огромным, уже приложенным, и она станцует и любимых Жизель и Одетту.

До сих пор в памяти остался лишь тот яркий свет, преобразующий движения рук в слова, и повороты все повторяющиеся и повторяющиеся, словно она балерина из детской юлы.

Единственные овации, адресованные не всем артистам массовки, а лично ей – Мирте. Но особенно врезались в память слова их постановщика Игоря Викторовича:

– Не дурно Надь, но в следующий раз все же поставим Софию.

По невероятному стечению обстоятельств, именно тем вечером она встретила Максима, когда бежала из театра в метро. Она все еще с зачесанными волосами и кое-где не стертым гримом плакала, обняв спортивную сумку со своими пуантами и одеждой, плакала тихо, бесславно и почти не подрагивая от печали, которая частенько раздирает грудь изнутри. Немногочисленные пассажиры ночного вагона или спали, или делали вид, что спят, изредка поглядывая на плачущую девушку из-под полуопущенных век.

– Простите? Девушка? – обратился к ней кто-то рядом.

– Это не вы уронили?

Она машинально опустила на пол взгляд. Там ничего не было.

– Что? – промямлила Надя в ответ.

– Ну как же, что, улыбку. Посмотрите, а вот вы её уже и подняли, – неумело пошутил парень в смешной шапке, протягивающий ее клетчатый платок.

Надя тогда начала истерично смеяться, так громко, что некоторые пассажиры ночного поезда проснулись и начали недовольно смотреть на девицу. Плоток, ей к слову, все-таки понадобился, чтобы вытереть слезы, выступившие от смеха.

За одну минуту и двенадцать часов до...

– Слав, примешь поставку? – прокричала Ира через весь зал небольшого магазина одежды.

Молодой человек, который этот момент развешивал разноцветные футболки, прекратил свое занятие, вынул из левого уха наушник и пошел на склад, находящийся в противоположном от него конце торгового зала.

–Иду, скажи Мишане, чтобы оставил мне куртки. – отозвался он и направился к стеллажу с головными уборами, куда надо было вылежать остатки от распродажи.

Слава работал в магазине уже полгода, к работе привык и уже с закрытыми глазами мог расположить вещи по моделям, цветам и коллекциям. А после того, как парню удалось оформить академ, в магазине он практически ночевал. Так молодой человек поступал не потому, что вовсе не хотел учиться в театральном вузе, о котором мечтал с малолетства, а только лишь за тем, чтобы выплатить долги, свалившиеся на плечи столь же внезапно, как снег в июне.

Славик был сильным парнишкой и сдаваться не привык, отчего изо всех сил старался разделаться с денежными выплатами быстрее, а для этого было бы хорошо брать больше смен. Не здорово в свои девятнадцать лет проводить все время на работе, но, если уж выбирать не приходится, то нужно выкладываться, а не роптать на жестокую судьбину.

Поставка обычно могла затянуться на весь день, если приходила с утра, а могла и на большую часть ночи, потому что частенько приходили множество новых вещей. Сегодня, например, предстояла растаскивать объёмистые синтепоновые куртки, прибывшие для особенно не весенней погоды, господствующей в столице.

Слава как раз заканчивал развешивать верхнюю одежду, когда его кто-то похлопал по плечу, от чего у него непроизвольно по телу пробежали мурашки.

–Владик? Это ты, вот так встреча, – произнесла елеинным голосом невысокая блондинка.

– Вижу, ты так и не поняла, как правильно сокращать имена, Катюша? Не мешает работе? – колко ответил парень на приветствие бывшей одноклассницы.

–Как видишь, золотко, не мешает. Видел меня в новом фильме? Весь курс от удивления с мест попадал, а ты мне тут еще и улыбаешься кисло? Сам-то, великий ты наш, как тебя там прозвали, Том Круз? Талантище, почему на сцене не играешь? – самодовольно оскалилась Катюша.

–Не имею богатеньких родители, которые покупают роль в затрапезчине. А Томом Крузом меня прозвали, если ты не помнишь, не за заглавные роли в российских фильмах, а из-за внешности.

Катюша противно рассмеялась и, успокоившись, ткнула парню в грудь аккуратненьким ноготком, украшенным блестящими стразами.

–Ты, золотко, может и обладаешь обворожительной улыбкой, возможно даже каким-то талантом, но судя по всему, а я знаю, как это бывает, ты так ничего и не добьешься, ну может быть повышения до менеджера? Вероятно, для тебя это будет большое достижение. А теперь будь так любезен покажи мне где тут у вас премиальная лимитированная коллекция.

«Почему людям так приятно самоутверждаться таким гадким, не понятным образом? Неужели она не уверена в себе, зачем лишний раз мусолить то, что и так понятно.»— размышлял Слава, убирая на места вещи, оставленные около примерочных клиентами.

На самом деле девица разворошила все в его душе и сейчас, в этот самый момент, он думал о том, когда же вновь представится шанс вернуться? А вдруг правда, вернуться не получится и его поглотит рутина, засосет, как зыбучие пески, из которых уже не выбраться прежним. Слава- мечта, которая теплилась в глубине усталого сознания, но вместе с этим разум понимал, что она не должна быть целью существования. А что же тогда должно быть? От неопределенности и неупорядоченности жизни становилось еще паршивее

–Не сдавайся, лопушок, – пропыхтел парнишка себе под нос, провел рукой по отрастающим курчавым волосам и, что-то насвистывая себе под нос, отправился выполнять предписанные обязанности как можно скорее, чтобы успеть к назначенному часу.

Торопиться Славику было куда. Сегодня должен был состояться спектакль, вернее мюзикл, который ставил известный среди интересующейся молодежи режиссёр. Но самое прекрасное заключалось в том, что парень имел возможность взглянуть на столь феерическое представление, не заплатив, а напротив заработав на этом. Все благодаря приятелю, однокурснику, который позвал его подработать билетёром в этот день и, за половину заработка Савы, согласился уступить свой пост наблюдающего в зрительном зале.

Как такому можно было не радоваться? Ведь это был первый его поход в театр в текущем году. Но шел Слава туда один, а не с бабушкой, как раньше. Грустная мысль щекотала что-то в груди и становилось мучительно одиноко и горько, что немного ухудшало настроение.

А раньше, когда Тсеритса, его бабушка, была еще жива они не пропускали не единого выступления иностранной труппы или новой, необычной постановки. Старушка обожала эффектно нарядиться в дни премьер и чинно вышагивать в своей прекрасной черной шали и звенящих на каждом шагу монетных сережках, а он наслаждался игрой актеров и их плавными и точными движениями, которые впоследствии повторял, стоя в крошечной ванне перед зеркалом. Из-за огромной любви к бабушке Слава и загорелся профессией актера, а без бабушки все работа его не имела смысла. Зачем тогда возвращаться?

Даже сейчас, Слава, лишь закрыв глаза, переносился в знакомый тускло освещенный зал, дышащий предвкушение и нетерпением перед началом, на родные места с краешка бельэтажа, которые им обычно доставались. На языке чувствовалось сливочное мороженное, съеденное перед самым входом в театр, потому что бабушка считала, что представление не отделим от сладостей, но все прекрасные вещи в буфете отделяет от ее внука цена. И даже запах бабушкиных духов, отдаленно напоминающий запах костра, апельсинов с ванилью тут же окутывал юноша плотным обручем, словно бабушка закутывала любимого внука в свой домашний цветастый платок.

Глаза открывать катастрофически не хотелось, поэтому Слава скорейшим образом извлек из глубин сознания еще один любимый момент, стремясь продлить счастье хоть на минуточку.

Бабушка для него сшила костюм, самый настоящий, как у актёров с кинофестивалей, даже платочек красный вложила в нагрудный карман, чтобы все это выглядело еще более взрослому. Славе тогда исполнилось тринадцать. И они шли на Лебединое озеро, потому что «классику надо смотреть в живую», говорила бабушка и извлекала из шкафа свою лучшую бархатную черную юбку. Бархатная чернота зала опускалась на них, а на сцену выходили небожители-утонченные люди в летящих одеяниях, творящие невообразимые вещи, стоит лишь заиграть музыку.

– Слава, ты чего замер, у нас перерыв, идем на брейк, – позвал его Мишаня, освободившийся от своих обязанностей.

Парни сели в комнате персонала и принялись за принесенную еду. Товарищу Славы еду готовила мама, поэтому его обед состоял из супа в термосе, мяса с овощами и нескольких пирожков с капустой. Полной противоположностью был комплект Владислава, состоящий из купленной шавермы и бутилированного зеленого чая.

– Ну и как я это все съем? Кто ее просил опять наливать литр супа, у меня же желудок столько не вмещает, – жаловался Миша, пытаясь проглотить весь рассольник заботливо приготовленный матерью.

– А ты вмести. Неужели она зря готовила? Наверное, для одного тебя старалась. А ты не ценишь, дуралей, – осуждающе произнес Славик.

– Ну я же не просил, перехватил бы что-нибудь здесь, благо тут много мест, где можно разжиться съестным, мы не в каменном веке, а я не ребенок.

– Радуйся, дурак, что готовят еду. Съедешь еще сто раз маму с теплотой вспомнишь. А потом еще сотню, когда будешь на бегу есть холодные бутерброды.

– Может ты и прав. Ты наверно давно отдельно от родителей живешь? Скучаешь, наверно, по домашней стряпне? – понимающе просипел Миша.

– Не знаю, я уже довольно давно живу отдельно от родителей, и еду ел исключительно бабушкиного приготовления. Хотел бы, и я как-нибудь попробовать мамино супчика.

– Да ты не дрейф, если скучаешь по борщам и котлеткам найди себе девчонку хорошую, да пускай она тебе готовит, чего теряешься. А там глядишь, годкам к двадцати пяти, семью можно, – улыбаясь, как чеширский кот, изрек друг.

– Звучит здорово, но, рановато мне еще, как не посмотри. Да и встречаться только ради борщей- очень странная перспектива.

– А ты не только ради борщей, – подмигнул ему Миша, – зачем еще девчонки нужны? Все равно потом повыскакивают замуж за кого попало- вот для них главное.

– А ты не много берешь на себя, дружище? Решать за половину человечества, что значит счастье? Сам уже решил, что счастье для тебя? Или пока в культурном поиске? – с неприязнью произнес Слава.

– Да на что оно? Ну сам подумай, зачем заморачиваться. Живи. Зачем думать. Ешь себе, трать деньги, знакомься с девчонками, гоняй на машинах, развлекайся. И все это в каком хочешь порядке – к чему сложности.

– А, действительно, к чему вообще сложность оставаться человеком и работать головой, а не челюстями и гениталиями, – пошутил Слава и вышел из-за стола.

– Ира, я сдаю смену. Хорошего дня, – попрощался парень и наградил девушку своей непревзойденной улыбкой, заставляющей весь женский коллектив томно вздыхать еще с добрую четверть часа.

Прохлада, ударившая в лицо и пробравшаяся под распахнутую куртку, немного остудила юношу, начинающего закипать от ярости из-за произошедшего разговора. Но постепенно, капля за каплей напряжение уходило, смешивалось с теплым воздухом и поднималось ввысь, где становилось еще более незначительным, но все же никуда не пропадало совсем.

Парень присел на скамейку в скверики, разбитом напротив крупного торгового центра, занимающим территорию добротного футбольного поля. На улице размах не чувствовался, скорее там царил покой и умиротворение, которые хотелось есть, как мороженное ложной, чтобы они проникли в душу быстрее и скорее охладили сердце и голову.

Почему же он так разозлился? Ведь это обычные пацаньи разговоры, которые никто не принимает всерьез, потому что конкретно говорящих это не касается ни в коем разе. Но Славу это касалось. Особенно та частичка души, которая отождествляла бабушку с другими женщинами не могла просто безмолвно существовать в грудной клетке, она хотела биться насмерть, используя все свои внутренние запасы и ресурсы, а также с легкостью воспламеняя южную кровь, текущую в жилах Славы.

– Успокойся, лопушок, – произнес он магические бабулины слова и, поднявшись, зашагал в сторону метро.

За одну минуту и четыре часа до...

Кажется, он проснулся, или нет. А может быть Владимиру это только показалось. Нет-действительно проснулся, причем это было далеко не его желание, а шумные ординаторы.

– Молодежь, дайте старикам поспать, не вы всю ночь оперировали.

– Владимир Сергеевич, я вас очень прошу, если хотите спать в тишине отправляйтесь домой, – послышался знакомый голос его племянника.

Доктор сел на кровати и попытался вернуть мир в его привычные рамки, сформировавшиеся до его беспокойной ночи. Длительная операция снова выбило хирурга из колеи, в которую необходимо было вернуться как можно скорее.

Перед ним по-прежнему стояли двухъярусные кровати, покрытые разноцветными пледами, купленными для поднятия настроения персоналу. Несколько цветочных горшков, опутанные паучьими лапками растений громоздились на стене рядом с небольшим столиком, вечно заваленным медицинскими картами и прочей бесполезной документацией, которую каждый врач должен был добросовестно вести. В самом углу примостился холодильник, увешанный стикерами с напоминаниями и равномассными магнитиками, привезенными из зарубежных поездок хорошо зарабатывающих врачей. На полу валялись чьи-то вещи, которые при ближайшем рассмотрении принадлежали двум молодым врачам, уснувших на соседней кровати один над другим. Снизу спала розовощека девушка, чудом попавшая в эту частную больницу, куда подобные ей провинциалы попадают лишь в мечтах. Над ней спал сын заведующего нейрохирургии. Парень оказался старательным, но чересчур самоуверенным и самовлюбленным, как и большинство врачей. Данные качества неотделимы от хорошего врача, потому что, только благодаря им человек сохраняет свое спокойствие и дарует его окружающим.

На часах, украшающими крохотное пространство над дверью красовались жестокие цифры, говорящие о том, что домашние уже в сборе и он их застанет при любом, даже самом благоприятном раскладе. Поэтому Владимиру ужасно не хотелось идти домой, особенно сегодня, в день рождения обожаемого старшего брата. Успешного, прекрасного и лучшего во всех отношениях сына и мужа, идеала до которого он, такой какой есть, никогда не дотянется.

Что он сейчас представляет. Тридцатишестилетний мужчина с огромными мешками под глазами, грустными, затравленными глазами, как у побитой собаки, всклокоченными темными волосами и клочкообразной щетиной, старившей его еще на добрые десять лет. Жил в небольшой съемной квартире, куда съехал от жены по ее же просьбе. Должно быть, мешал встречаться с любовником- сумрачно говорил Владимир себе, когда открывал дверь своего могильника-квартиры.

Отец так же, как и раньше считал его несостоявшимся человеком, «дорогим латальщиком людских кишок», по его мнению, глупым безамбициозным и бесхребетным слюнтяем, плывущим по течению. Матушка периодически лишь грустно опускала голову при его появлении и сдержанно обнимала сына, опасаясь разгневать мужа. Даже сейчас, когда он передвигался лишь в инвалидном кресле, а она им управляла.

«Никуда не пойду, снова все будут любезничать и шутить, обсуждать дела и карьерные высоты, придет сестра с сыном и этим хамоватым придурком, опять начнут вспоминать об отсутствии карьерного роста в моей случаи, снова скажут, что нашей клинике стыдно за такого как я.»

Володя часто думал о том, что будет, но еще регулярнее думал почему его так не любят в семействе, где вроде бы никто особо не привязан к друг другу, где кровные узы не держат их так близко друг к друг. Причину была лишь в своеобразной внешности, так отличающейся от родительских. Его брат и сестра унаследовали печальные серые глаза отца, какого неземного оттенка, также обзавелись его светлыми волосами и даже его мимикой. Он пошел невесть в кого. Темноволосый, с миндалевидными темными глазами выглядел на семейных фотографиях как дворецкий или бедный-сиротка, затесавшийся в прекрасную семью знаменитых московских врачей Елизарьевых, ведущих своё врачебное ремесло уже более трех веков.

Владимир наконец полностью проснулся, сменил униформу на привычную одежду, закрыл свой шкафчик и, попрощавшись с шумными сестричками, вышел из больницы.

Пожалуй, это был его любимый момент, потому что именно в эту минуту мужчина мог видеть пациентов, гуляющих во дворе, не скованных чувством страха и встревоженными за свою жизнь. Они были с ними одинаковыми, ни они ни он не ненавидели друг друга. Скорее напротив, именно в этот момент счастливой реабилитации люди были благодарны самому обычному, ничем не примечательному общему хирургу, регулярно оперирующему не по расписанию и не отказывающегося от ночных смен.

Когда Владимир был моложе он даже порой заговаривал с каким-нибудь пожилым мужчиной, напоминая ему его дедушку или с молодой девушкой, перенесшей сложную операцию, просто потому что он чувствовал, что может поделиться своим теплом и получить благодарное тепло от них. Но сейчас ему это надоело, это было бесполезно и неприятно, ни ему, как выяснилось, не им, старающимся отделаться от надоедливой врача, желающего получить дополнительную плату за доброжелательность.

Однажды, когда еще зеленому Володе высказали такую претензию, он едва не расплакался прямо на глазах у своего зятя, заправляющего всей финансовой частью в больнице. Ведь так обидно обнажать перед людьми душу, а вместо добра в ответ получать только плевки в лицо. Родственник же потрепал неопытного врача по плечу, поправил очки и все так же, словно ничего, а особенно людские чувства, не имеют значения, пошел по чистейшему только что натёртому коридору частной больницы, в которой даже доброе слово по документам пробивалось отдельным чеком.

Уже выйдя за территорию больницы, Владимир задумался, куда же ему направиться? У его лучшего друга Жени, недавно появился молодой человек, да и просто так навещать ее у ней он не мог, потому что считал это не приличным. Просто вернуться в свою квартиру- не представлялось возможным, потому что его там наверняка уже ждал водитель от отца или еще какой человек, настоятельно требующий посещения отцовского дома.

Пить? Алкоголь превращал его в еще более жалкое существо, чем он являлся, что было очень комично, по мнению доктора. А может быть стоило просто шататься по улицам? Но погода, проложив руку на сердце, была неподходящей не для прогулок, а больше предназначалась для быстрых перебежек из машины в дом и из дома в машину.

Как когда-то сказал его дедушка, приехавший в Москву из далекой Киргизии и удачно женившийся на дочери знаменитого врача:

–Если не знаешь куда идти в Москве, иди на Красную площадь. По дороге всегда найдется место, где можно посидеть. Ну а в самом крайнем случае – посиди в метро, там тоже красиво.

Владимир надел капюшон, поплотнее обмотал шарфом шею и пошагал в сторону метро, сулящему временное пристанище коренному москвичу, которому нельзя было пойти даже в собственный дом без того, чтобы его ни осудили.

Но, как назло, погода портилась с каждой минутой все сильнее, начал накрапывать мелкий, непонятней полудождик -полутснег, придававший всему вокруг еще более трагичный вид. Единственным ярким пятнышком в этой серо-коричневой мессе мартовского воздуха могли служить лишь цветастые куртки, изредка попадающиеся на пути. Почему жители столицы любят черные куртки? Почему прохожие поголовно носят черное? Это практично? Да ни в коем разе, ведь это бесцветное облачение автоматически присоединяет тебя к множеству таких же безрадостных сомнамбул, бредущих по инерции что сейчас, что в любое другое время. Всю жизнь.

Владимир поглядел на собственную дутую дутую куртку с контрастной подкладкой- он сливался так же, как и все, а ведь так не хотелось. Хотелось чего-то яркого, мечталось быть кем-то значительным и заметным, а не сливаться со стенками, покрывшимися ночными тенями.

И тут – пятно. Огромное пятно на стене- двери, принадлежащий небольшому магазинчику-кассе. Огромный зеленовато-красный плакат с фигурой мужчины и девушки, рядом какие-то предметы, слова. Если честно доктор даже не читал, он просто зашел внутрь.

Там было уютно и тепло, немного пахло пылью, старой бумагой и свеженапечатанными текстами, сочащиеся новенькой чернильной кровью.

– Добрый вечер, не подскажите, а вот та постановка, ну которая у вас на двери, есть ли представления сегодня?

Со стула поднялась молодая девушка с покрашенными в розовый цвет волосами и огромными прямоугольными очками, своей комичностью напоминающие блюдца в оправе.

– А это новая постановка, поставлена известным режиссером. «Человек человеку» называется. Очень популярно сейчас, но думаю пару мест в партер еще осталось.

Владимира не интересовала цена, лишь тот факт, успеет он туда или нет. Было бы здорово окунуться с цвет с головой

– Простите, а я успею туда сегодня доехать?

– Да, еще целых три часа с лишним, а ехать до Делового центра. Там театр современный, на первом этаже новой высотки находится, вы ее сразу узнаете она в форме свечки. Говорят, это театр невероятно красивый внутри, а труппа там из частично из Европы.

Владимир улыбнулся девушки, которая с удовольствием продолжила бы рассказывать про театр, здание, труппу, постановку, но надо было торопиться, поэтому он мягко и немного извиняющимся тоном произнес

– Чтобы я успел, девушка, продайте мне пожалуйста билетик.

– Возьмите пожалуйста, ах да, это мюзикл, я же вам не сказала, мужчина!!! Я вам скидку на следующий билет сделаю. Мужчина! Вы шарф забыли.

Но Владимир ее не слышал, просто шел, не обращая внимания на дождь, который уже превратился в настоящий ливень, ни на отсутствие шарфа, наверное, не думал ни о чем, а просто шел в театр, который должен был окрасить его в определенный, желательный, яркий цвет. Чтобы доктора стало видно.

Сказка о Белых вершинах

Было слышно лишь тиканье часов, висящих в другой стороне коридора, а редкие шаги пациентов,двигающихся к лестнице.

В небольшом закутке, спрятанном за углом около стойки регистратуры, тишина звонко отражалась от каждой падающей пылинки, стенки, ткани. Мальчик лет должно быть семи сидел на больничной кушетки, поставленной в коридоре для пациентов и держал на коленях фолиант невероятных размеров. То была книга в черной кожаной, несколько затертой обложки без каких-либо букв и теснении, а ее страницы имели сероватый цвет старой дешевой бумаги, сделанной из уже когда-то существовавших листов. Мальчик сосредоточенно листал страницы заполненные убористым, размашистым, аккуратным и небрежным почерками, где-то можно было найти рисунки или даже вклеены фотографии.

Стена, около которой сил светловолосый ребенок плавно переходила в большое окно, состоящие из цветных стеклышек, умело собранных в причудливую то ли окружность, то ли обруч, сплюснутый по краям, окружённый множеством звездочек и шестеренок разной величины. Из-за того, что на улице было пасмурно, то нельзя было насладиться божественным радужным солнечным дождем, льющимся сквозь красивое витражное окно, заменяющее ожидающим телевизор, так необходимый современному человеку.

Паренек от скуки перебирал ногами, которые не доставали до пола и болтались в воздухе, как две макаронины, облаченные в белые носки с синим краешком. Ребенок, кажется совершенно не нервничал из-за отсутствия взрослых, родителей, игрушек. Он был полностью поглощён тем, что водил пальцем, проговаривая вслух слова, написанные разномастными почерками.

– Привет, малыш. А ты случайно на в 100 кабинет сидишь? – спросила ребенка бесшумно подошедший мужчина.

Ребенок поднял на пожилого мужчину глаза, которые никак не могли принадлежать человеку семи лет, обычно в глазах детей мелькают разноцветные искорки озорства или вспыхивает фейерверками обида, осыпающаяся так же молниеносно. Но у этого мальчугана в глазах

плескалось вековое море, на дне которого покоились секреты и тайны, чувства и мысли, проблемы и способы их решения. Его серые глаза, словно были ровесниками мира, а не принадлежали недавно родившейся душе.

– Дедушка, вам за ту дверь, но вам надо подождать, там лампочка загорится, – сказал мальчик, оторвавшись от книги.

Седовласый мужчина, улыбнулся, от чего его и без того небольшие глаза превратились в узкие щелочки, преисполненные теплом и добротой.

– Спасибо малыш. А почему ты один и где твоя мам? – спросил подошедший, присаживаясь рядом.

– А она тут работает, а я вот ее жду. Дедушка?

– Да малыш?

– А как вас зовут. А то мне не разрешают говорить с незнакомыми

– Меня зовут Мерлан, а тебя?

– Меня зовут Гелька, мне ваше имя больше нравится, – сказал мальчик, протягивая мужчине конфету.

– Да, что ты. У тебя интересное имя, необычное, а у меня имя такое же, как и у тысяч моих земляков. – сказал дедушка, благодарно кивая за угощение. – а что ты читаешь?

– Это сказки, вернее это коллекция сказок. Сюда мама записывает истории, которые рассказывают мне. А вы не знаете какую-нибудь необычную сказку, ну такую, которой еще нет в моей книги.

Мужчина задумался, отчего стал теревить свою серебряную бороду, что делало его очень похожи мне фантастического джина или колдуна.

– Наверно ты знаешь много русских сказок, а какие-нибудь татарские сказки тебе рассказывали?

– У меня здесь есть киргизские сказки, тюркские, а татарские, кажется нет. – со знанием дела сказал ребенок.

– Ну что ж, может быть моя история будет рассказана неумела, да еще к тому же она может быть похожа на одну из уже тобой услышанных, ведь у нас, степных народов, общие корни, как не крути. Эту историю у нас называют сказкой о Белых вершинах.

«Когда-то давным-давно, когда человек еще не ступил в вольные степи, не обработал плодородную почву, не посадил хлеб и не приручил животных, которые бы подчинялись каждому его слову. Тогда, наверно и человек еще не появился и вовсе, и на земле жили свободные, как ветер, и грациозные, как скалы, Первые лошади. Они были больше, сильнее и красивее тех, что ты можешь увидеть в цирке или другом представлении.

Они гонялись за ветром, почти не касались земли и могли разговаривать со звездами, потому что те часто помогали им найти путь сквозь бескрайнее травяное море, что начиналось на востоке и заканчивалось на западе.

Жила в одном из самых больших табунов в мире прекрасная белая кобылица с невероятной гривой, что сверкала на солнце, как золото, а при лунном свете переливалась серебром. Ноги ее были крепкие и гибкие, как степные топольки. Одним словом, лучше ее не было во всем травяном царстве. Поэтому взял ее в жены сильный и мудрый жеребец, владыка табунов, что жили в это части мира. Они стали бок о бок и пошли вместе, ведя за собой табун, лошадей в котором было так же много, как колосков на пшеничном поле.

А следующей весной, когда молодая травка только начала показываться из-под земли, а звезды, стали чаще появляться на весеннем фиолетовом небе, на свет появились два жеребенка. Это была невероятная редкость и жеребец-предводитель, решил, что это знак, что посылают им небесные кони.

– Один из них, станет моим преемником. Так посчитали небесные кони, – сказал он своим подопечным, которые тут же радостно заржали, поддерживая своего повелителя.

А тем временем, кобылица-мать, выхаживала своих жеребят, родившихся более худенькими и маленькими, чем их сверстники. Выглядели молодые кони ничуть не хуже своих грациозных родителей: один был белым, как мать, с небольшим черным пятном на морде, а второй был гнедой, как отец, от матери последышу досталась лишь маленькая белая звездочка на носу.

– Я назову вас Кон и Тон, вы будете всегда вместе, но по-отдельности, вроде бы и врозь, но всегда вместе. (Кон и Тон по-нашему, это день и ночь, Гелька)

Пролетело время, подобно перелетным птицам, сменили редкие деревья в степи свое платье на новое, вновь заколосился ковыли и осока, заново пробившиеся сквозь землю, опять вернулись кони на свое прежде место- травяное море.

Выросли Кон и Тон и превратились в статных молодых жеребят, почти жрецов, научились от отца вести табун по звездам, а от матери мастерству обгонять ветер. И все бы шло так, как должно было идти, если бы к их табуну не присоединилась старая рыжая кобылица, повидавшая весь свет.

Главный жеребец хотел прогнать ее, чтобы она не ела их изумрудную траву и не пила их студеную воду, но Тон, его любимый сын, будучи очень сердобольным, упросил оставить старушку.

– Спасибо тебе, молодой принц. Ничего нет у такой старухи, как я. Ничего, кроме тайны, которая неведома другим. Я расскажу тебе про Белые вершины. Нет нигде во всем травяном море спокойного и сытого места. Всегда не хватает травы, чтобы сытно поесть, воды, чтобы напиться всласть, места, чтобы побегать в одиночку. Все так и думают, поэтому и живут лошади так, как живут, ограничивая себя в каждом приеме пищи. Но, ты не верь, молодой принц, есть на свете место, что прекрасно так же, как звезды, за которыми прячутся небесные кони, столь полно зелеными лугами и чистыми реками, что даже сами великие мечтают туда попасть. Это место находится там, где в небе встречаются две горные вершины, покрытые снегом в любое время года. Снег, этот так сверкает на солнце, что его можно принять за твердый металл, что иногда выносит река. В том месте, мой принц, живет настоящее счастье, которое ты не отыщешь, которые ты не найдешь, кочуя со своим табуну туда-обратно.

– Но зачем же ты рассказываешь мне про столь прекрасное место, но сама туда не отправляешься?

– Я слишком стара, мой принц, не доскакать мне туда, да и не преодолеть все эти ущелья и пропасти, что ждут на пути. Тебе нужно идти за самой яркой звездочкой, стоящей поодаль от всей своей сверкающей родни. Она то и приведет тебя туда, куда тебе нужно.

И старушка принялась жадно пить чистую воду, что текла прямо у ее копыт.

Тону же начались сниться эти горы, покрытые дымкой тумана и загадочности. Теперь он не мог уже думать ни о чем, кроме как о том, как бы ему добраться до них и привести к ним табун.

– Брат, отчего ты такой отрешенный в последнее время, все ли у тебя хорошо, не болен ли ты, – спросил его Кон.

– Брат... – и рассказал ему младший о Белых вершинах- сказочном месте.

И вот к самой макушке лета, когда солнце стояло над головой ровненько в самой высшей токе неба, Тон решил отправиться в путешествие, чтобы проверить – существуют ли место, описанное старой кобылицей.

– Брат, но как же ты оставишь табун, ведь ты будущий вожак- смена отца?

– Но брат, это не мое желание, то желание предков. А мое желание увидеть горы, что касаются неба, увидеть слепящий глаза блеск их вершин, вдохнуть запах горной травы, пробежаться по ней и там, я надеюсь, вырастить своих детей и счастливо умереть.

– Ты не понимаешь? Ты бросаешь свое будущее? Ради чего? Ради тумана, который напустила эта старая лошадь?

– Я иду туда хотя бы затем, чтобы навсегда не потерять себя и не раствориться в здешнем. Ведь это- намного тяжелее, чем остаться тут и иногда роптать на судьбу? Вот ты, о чем ты мечтаешь? Неужели гоняться туда-сюда, да иногда останавливаться ради насытной еды.

– Чего я хочу... Я даже и не знаю, брат. Я –это табун, табун- я. Мое желание- его желание. Я даже никогда не думал, что может быть иначе.

– Что ж, Кон. Я думаю, что из тебя выйдет отличный глава, не то я. Прощай брат. Надеюсь, что я когда-нибудь вернусь и мы встретимся.

Той ночь Тон и умчался прочь от всех, слился с ночным июльским воздухом, что так же тягуч и сладок, как разнотравный мед.

Шло время, сезоны менялись друг за другом. Великие небесные кони забрали к себе отца Кона и Тона, а потом и их мать, оставившую после себя малютку-дочку.

Кон занял место отца и неплохо стал верховодить табуном, выбрал себе жену из северного племени и готовился стать отцом. Все в его жизни текло по завету небесных коней. И это и должно было быть счастьем, но не давало ему вздохнуть с облегчением одна мысль- есть ли у него мечта? А если ее нет, то есть ли счастье? А если его нет, то как же его найти.

Но бег его коней нельзя было изменить или повернуть в другую сторону, нельзя было ускорить или замедлить. Оставалось одно- скакать среди них и надеется, что ему хватит сил быть среди них первым.

А Тон, в отличии от брата, летел на крыльях, которые словно выросли у него за спиной лишь от той мысли, что он несется к Белым вершинам. Так он летел немислимое количество часов, иногда останавливаясь лишь на сон или на небольшой привал. И единственным его собеседником была Звезда. Сначала она молчала, как и все ее собратья считала себя лучше каких-то лошадок, что бесцельно несутся по степям. Но вот однажды, когда Тон смотрел на нее перед тем как уснуть, она вдруг заговорила.

Звезда говорила с ним о других землях на которые она смотрит, когда небосвод меняет свое положение, о городах, что синими, как небо, морями растекаются по неизвестному коню стороне. О других лошадях, птицах и рыбах. О целом мире, что лежит у нее перед глазами. А еще она рассказывала, как одиноко ей на небе, что нет с ней рядом ее сородичей, что для них она незаметна и некрасива, что не хотят они даже смотреть в ее сторону.

– До чего у тебя безмозглые собратья, не видят до чего ты прекрасна. – успокаивал ее Тон.

От этого Звезда сияла еще ярче и все дольше говорила с ним, даже пела ему свои небесные песни. Так шли года, которые постепенно складывались в десятилетия, а Белых вершин все не было видно. Тон из-за этого очень грустил, а его крылья с каждым днем, не приведшим к заветной мечте, опускались все ниже.

Когда сравнялось ему почти два полных десятилетия, горько заплакал конь, стоя у горного ручья. Так плакал он и плакал пока не спустилась ночь и на него из воды не поглядела его Звезда.

– Отчего ты не весел, от чего мне даже с небо слышно, как ты плачешь?

– Да знаешь, Звездочка, я двинулся вперед и надеялся найти свои Белые вершины. Но их нет, обманула меня старуха, а теперь и сам я уже не молод и вряд ли когда-нибудь доберусь до них.

Звезда посмотрела на него, хотела обнять его за шею и рассказать, что много-много раз он был близок к своим горам, это она каждый раз вводила его в иные края, чтобы он, достигнув своей цели ни покинул ее.

– Дорогой, Тон. Я отведу тебя к твоим вершинам, у тебя еще будет время пожить там, но вот в чем беда, ты уже не успеешь вернуться к своему табуно. Ну или я могу привести тебя обратно, но ты уже никогда в своей жизни не увидишь горы.

Тон поднял голову, отметил что светило виновата опустила свои лучи и обо всем догадался. Но почему-то не разозлился. Да и как можно было злиться на столько совершенное создание, как Звезда.

– Веди меня к Белым вершинам, моя хорошая.

И вот, когда пронесся еще один сезон, оказавшимся чуть ли ни самым тяжелым для Тона, жеребец наконец добрался до того заветного места.

И, не обманула его старая кобыла, здесь действительно было место, сродни обители богов. Ручьи были чисты настолько, что была видна рыба, плещущаяся на каменистом дне. Трава пахла слаще горного меда, а на вкус, должно быть, была похожа на амброзию. И над всем этим возвышались гордые горы, надвинувшие серебряные снежные короны до самых бровей.

Тон упал на подогнувшихся ногах рядом с ручьем и начал молиться небесным коням, что разрешили ему увидеть это место в этой серой жизни.

А ночью, едва на небо высыпали звезды, Тон позвал свою Звезду

– Выходи, о прекраснейшая. Я понял, что это была твоя хитрость. Знай, я не сержусь на тебя, потому что, ты показала мне, что мечта-это не цель жизни, а лишь мотив существовать на этом свете. Сейчас, я чувствую, что уже не смогу поселиться здесь и вырастить здесь своих детей, попробовать этой травы и воды. Но я был очень рад, что почти все мое время я был с тобой. Я узнал о целом мире, что так бы и лежал вне моего сознания. Спасибо тебе. Ты стала для меня всем, другой, любимой, сестрой, дочерью. А теперь, пожалуйста, не грусти по старому скакуну и исполни мою просьбу. Расскажи моему брату Кону, об этом месте, пускай же наш табун поселится здесь и живет счастливо.

Так и умер Тон, опусти свою голову недоли от подножья Белых вершин.

Долго по нему плакала Звезда, а когда высохли ее слезы и прошла боль, что наполнила сердце, отправилась она на поиски Кона, которого она, к несчастью так и не нашла. Но еще долгие десятилетия можно было слышать ее голос, звенящий над ночной степью, говорящий о Белых вершинах и о том, как их можно найти.»

Старик закончил свой рассказ и выжидательно посмотрел на Гельку.

– Почему они не могли жить счастливо вместе? Почему все в этой истории остались несчастны? – спросил мальчик, утирая с щек крупные слезы, непрекращающиеся литься из глаз.

– Как же, все они были счастливы, только по-своему. Кон завел семью, Тон увидел горы, Звезда не была одна. А то, что счастье, о котором мы мечтаем, не совпадает с тем, которое есть на самом деле, в этом и есть истина. Суть этой сказки, разве нет?

– А вы счастливы? – спросил мальчик, переводя взгляд с книги на старика.

– Может быть. Я, как и все из этой истории, стремился к одному, но сейчас понимаю, что мое- оно в другом. Я очень сожалею, что только сейчас это понял.

–Ой, дедушка. Кажется, вас вызывают. Не бойтесь, моя мам очень хороший специалист, она вам поможет, – сказал мальчик, вкладывая старому татарину в руку конфетку, – а это вый ей передайте пожалуйста. И скажите, что это я вам дал.

– Хорошо, спасибо, Гелий. Пока.

И мужчина помахал мальчику на прощание, прежде, чем зайти в кабинет.

Глава 2

За одну минуту и три часа до...

Слава сладко спал на стареньком облезлом дерматиновом диване, стоявшем рядом с кухонным столом в микроскопической кухоньке. Ему снилось море, необъятное и бесконечное, по цвету напоминающее хорошо размешенную в стакане синюю гуашь, смешанную с зеленой. А еще ему снилась бухточка, куда он попал совершенно случайно и, по стечению обстоятельств, должен был покинуть ее. Там песок был не очень похож на песок, он состоял из большого количества ракушек разной степени дробленности, но ступать по ним было приятно и не капельки не больно. В больших ракушках и в береговом песке жили юрки и мелкие крабы, не пуганные туристами и приезжими, поэтому к ним можно было подойти и чуть ли не потрогать руками. Молодому человеку снилось, как он ныряет в море с утеса, куда он потом часто приходил с друзьями, но ни один из них так и не рискнул прыгать с Зуба, так утес называли местные, в воду. Очень зря ребята так не делали, потому хорошо прочувствовать воду невозможно в других обстоятельствах. Воздух, как мягкое одеяло окутывает тебя, а при дальнейшем пребывании под водой, как будто пытается поднять твою кожу из пучины, словно он твои крылья, которые вырастают только на глубине. А какие там водоросли, похожие на волосы русалок, которые случайно щекочут твое ухо, едва ты приближаешься к их владениям. Славик все погружался в воду и погружался, и с каждым метром становился чуть-чуть младше, пока не превратился в мальчишку, приехавшего в Золотое впервые.

Очень давно, когда Славик только собирался пойти в школу, внезапно из его жизни исчез папа. Вот так просто- испарился. И, хотя, он его и так не часто видел дома, потому что тот пропадал на работе часами, а порой и целыми днями, мальчишке его не хватало. Мама не его наивные вопросы или кричала, или плакала, поэтому вскоре малыш перестал разговаривать, почти перестал. А однажды, уснув в своей кровати, мальчик проснулся в поезде- они с мамой ехали к его бабушке, маминой маме. Они ехали в Крым. Мама еще до ухода отца выглядела неважно, а после стала выглядеть еще хуже. Женщина была по природе худенькой, порой даже чересчур, а уж, пережив такой стресс, осунулась еще больше. Мальчик так бы этого и не заметил, если бы не увидел свою бабушку, пишущую жизнью и здоровьем. Пожилая женщина, одетая в чёрную блузу с длинными рукавами, юбку с крупными контрастными рюшами и ярком цветастом платке, накинутом на голову, едва не упала без чувств, когда увидела Славу и его мать на пороге.

– Айгуль? Святые праведники, ты ли это. Боже, да в чем же жизнь то в тебе держится? – заходи живо в дом. Господи, неужели блудная дочка вернулась. – причитала женщина молниеносно накрывая на стол и одновременно обустраивая гостей. Мама как сидела, так сразу же и легла на узенькую скамейку, предназначенную должно быть, для гостей, зашедших на чай. Бабушка накрыла маму лоскутным одеялом, с невероятной заботой подложила ей под голову подушку,правила растрепавшиеся волосы.

– Пойдем, внук мой дорогой, постолюемся с тобой, а то не равен час и тебя ветер унесет, – искренне улыбнулась женщина, отчего ее глаза, осветили все лицо лучиками крошечных морщинок-перышек, делавшими полное лицо женщины еще приветливее.

– Кушай, малыш. Вот рыба, вот картошка, кушай, – причитала женщина, угощая внука.

И Славик ей, не переставая поглядывать за этим занятием по сторонам. А смотреть тут было на что. Деревянный простенький домик, снаружи выкрашенный в жёлтый, ныне выцветший белесы цвет, изнутри напоминал музей всевозможных интересностей, которых в обычной московской квартире не было никогда. На стене, около добротного стола, покрытого льняной

вышитой по краю скатертью, висел тонкий коврик, на котором был изображен рыцарь, охотившийся на оленя. Но ощупь коврик этот был мягким, словно плюшевым и о него очень хотелось потереться щекой, но мальчик пересилил себя и продолжил свое исследование. В центре же комнате стояла печь, самая настоящая, как из старых русских-народных сказок, побеленная и кирпичная, а по ее периметру свисали кружева, служащие для украшения. На печи сидел тощий черный кот и недоверчиво сверкал на мальчика глазами, но, заметив, что хозяйка к человеческому детенышу не испытывает неприязни, спокойно улегся на свое место и спокойно заснул, изредка подрагивая хвостом.

Стена около которой заснула мама была завешена полотняной занавеской с крупными ромашками, за ней скрывалась небольшая веранда, где висел гамак и небольшая хлипкая скамейка. В углах висели травы, связанные в причудливые снопики и букетики, грозди жгучего перца и чеснока кое-где почти касались головы хозяйки, суевающейся между подполом, где гранулились продукты и столом, желая угостить внука самым лучшим.

– А ты знаешь, мальчонка, у меня же есть орехи, сейчас принесу тебе.

Перед усталым Славиком, почти как со скатерти самобранки, образовались орехи, погруженные в янтарную жидкость, пахнущую полем и прошлым крымским летом.

– Ну чего же ты все молчишь? Только и того что глаза на пол лица вытарачил. А поговорить? Как зовут то хоть тебя? Меня вот Тсеритса зовут. Ой, гляди, еще больше глаза распахнул. Ну имя такое, румынско-цыганское имечко, красивое имя, сильное. Я сильная, как солнце, как рассвет, вот что значит оно. И так с каждым, чем нарекут тебя родители, оно делает тебя сильнее, а также дарит тебе ключ от следующей жизни. Ой, ну, до чего же ты глаза так распахнул, выпадут же. Ты кушай. Так вот, имя твое- ключ от входа во вторую твою жизнь, без него ты никуда не пройдешь, так и завершиться свое бытие. Но, а ежели в него еще сила какая заложена, и вовсе тебе все преграды не почем, хоть тысячу жизней проживи- на все энергии жизни хватит.

Вот так и началось их знакомство с бабушкой, которое парень с удовольствием бы вспомнил и дальше, но в это момент, как назло, был выброшен будильником на берег реальности.

До назначенного времени работы оставался еще час с лишним. Добраться до театра можно было за пятьдесят минут, поэтому Слава начал скорейшим образом одеваться и, чтобы не выглядеть в театре окончательным проходимцем, даже зачесал маслом свои непослушные кудрявые волосы, придававшие лицу немного девчачий вид. Перед выходом, стоя в одном ботинке на пороге, юноша окинул взглядом свою комнату, которую безусловно не мешало бы прибрать, но ему до зубной боли не хотелось перекладывать бабушкины вещи, её амулеты и обереги, которые лежали буквально на каждом шагу и на каждой поверхности в комнате, которую сложно было назвать жило. Толстый слой пыли, кое-где наспех вытертый, а кое-где практически махровой, кровать, засыпанная выстиранными, но несладкими вещами. Ракушки, камешки, веревки, кружева, крючки, пустые панцири и блестящие медные монетки, весели на стенах, на потолке, на люстре, окутывали светильник, что стоял у изголовья кровати. Лоскутный коврик из квадратиков, сшитых толстой красной ниточкой дружелюбно пестрел на середине помещения, приглашая пройтись по нему. На небольшом стеклянном столике также стояла белая чашка, с уже испарившемся содержимым, на дне которой так же лежал слой пыли. Все было ровно в том же виде, в каком все оставила бабушка, отправляющаяся на экспериментальное лечение, сулившее избавление от хвори, иссушающей старушку изнутри.

Но парень упорно не мог туда зайти, не мог сказать себе, что все- нет больше веселой старушки плетущий странные амулеты и засовывавшей траву в самые непонятные места дома. Нет больше его бабушки, которая бы журила его за беспорядок и грозила бы насрать на него неприятности. От нее в комнате осталась только шаль, положенная под подушку, и то лишь потому что Слава не смог найти ее для похорон, а потом не смог выбросить. Так и откладывал

парень прощание с призраками, надеясь, что однажды все исчезнет само собой или, о чудо, хозяйка вернется и разложит все на свои места.

– Держись, лопушок. – сказал он сам себе и вышел из комнаты, поторапливаясь к автобусу, на котором предстояло еще минут двадцать добираться до метро.

Но как говорить, охота горше неволи, и парень оказался на месте раньше условленного на целые двадцать минут, что для него, все время опаздывающего охламона, было настоящим достижением.

Театр находился внутри высотного здания, которая Слава про себя окрестил маяком, уж очень оно напоминало его по форме, а снаружи все было отделано зеркалами, словно большое трюмо. Сам театральный зал, хоть был и современным, но людей вмещал немного, не было даже бельэтаже, не говоря уж о двух ярусах балкона. Стулья, как в классическом театре были обтянуты красной тканью, а вот потолки не сверкали люстрами, а излучали свет с помощью минималистичной, но очень эффектных ламп – одуванчиков, состоящих из лампочек-парашютиков, на которые было очень интересно смотреть, потому что со временем они словно раскрывались, будто живые. Потолок не изобиловал ангелами и цветами, а лишь слегка дополнял одуванчики другими полевыми цветами, которые органично переходили в настенную лепнину, спускающуюся к зрительским местам.

Самые дешевые места шли по периметру зала или скрывались за колоннами, за которыми рассмотреть что-то со сцены было практически невозможно. Именно на это место нацелился Слава, надеясь, что оно так и останется свободным и ему удастся расслабить ноги, еще гудящие после работы в магазине.

– Слушай, Славик. Пойди допродавай программки, а я пока что тут постою, погляжу, что да как. – спихнул на него свои обязанности товарищ, передавая свою фиолетовую галстук-бабочку.

– Ну ты и раздолбай, – желая сказать что-то похлеще, но сдержавшись, произнёс Славик и безрадостно поплёлся ко входу, предвкушая холод, на котором придется стоять.

При входе было стоять интересно, не то что работать в гардеробе и таскать эти мокрые пальто и куртки, а потом ругаться с дамочками-кралечками из-за оторванной пуговицы на их кашемировом пальто. Нет-увольте, Слава туда и под страхом смерти больше не подпишешься работать. А тут приятно, правда холодновато. Но опять же можно на людей поглазеть, которые, как карандаши в коробке, в таких местах бывают разными.

В основной массе, конечно, здесь можно было увидеть бабушке с красивыми укладками и крупными серьгами, прихватившие с собой погрузневших дедушек с серебристыми бородами и блестящими лысыми. Так же были статные женщины от тридцати до сорока с мужьями в туго застёгнутый пиджаках и сыновьями-подростками в наушнике, которые стояли, как три зарплаты Славы в магазине, где необходимо было торчать каждый день ради таких денег. Иногда в эту стандартную массу ценителей театра затёсывались маленькие дети, приведенные бабушками, или парочки, пришедшие ради разнообразия. Но очень редко попадались одиночки, какие-то очень яркие люди, ценящие театр, настолько, что ходили туда без компании, регулярно и целенаправленно. Таких он выделял, мог отличить от толпы, наверное, потому, что сам принадлежал к их числу. Одинокие посетители не ходили вальяжно, разглядывая фотографии актёров, выступающих в этом театре, они тихо сидели около своего входа и изредка поглядывали на билетёра, мечтая попасть в зал, где их будет ждать покой и анонимность, предоставленная приглушенным освещением. Обычно именно такие люди покупали программки или другие театральные брошюры, чтобы было чем заняться.

Сейчас, например, так поступал мужчина, плохо побритый, но пахнувший дорогим парфюмом. Он долго выбирал программку из разложенных рядом идентичных и, наконец, было уже хотел начать разговор со Славой, но его смутили хохочущие женщине, должно быть его возраста, и взъерошенный мужчина отошёл к колонне, ожидая первого звонка.

Когда Слава уже хотел идти меняться с товарищем местом, его легонька хлопнула по плачу девушка со светлыми, почти прозрачными волосам, которой, на первый взгляд он мог дать двадцать три года, но ее руки, покрытые венами, выдавали ее возраст, отчего парню стало немножечко грустно. Девушка тяжело дышала и все никак не могла найти деньги, долго капалась в сумочке дрожащими от волнения и боязни опоздать руками. Она уронила паланкин, покрывающий ее плечи, обнажив свои руки, будто обрызганные золотом краской.

– Простите, молодой человек. Я должно быть забыла кошелек в пальто. Извините, что отняла у вас время, – расстроившись пролепетала девушка самым трогательным в мире голосом, который мог принадлежать исключительно феи.

– Держите, считайте, что это подарок от театра за то, что вы не опоздали на представление, – сам удивившись себе, произнес Слава и вручил ей программку.

– Но...

Слава не сал ее слушать и быстренько юркнул в зал, где недвусмысленно дал понять коллеги, что ждет, когда тот уступит ему его пост.

Почти что следом за ним в зал вошла девушка в золотых крапинках и черном платье, занявшее место как раз с тем, присмотренным, за колонной.

«Совпадение...» – подумал Слава, не сводя глаз с грустной девушки, капающей в своей сумке, в тщетных попытках найти что-то важное.

За одну минуту и пять часов до...

Все шло из рук вон плохо, начиная от разбившейся кружке, привезенной еще из дома и заканчивая испорченным платьем, на которое случайно попал тональный крем. Надя не отличалась особой расторопностью, поэтому необходимые вещи лежали ровным слоем, занимая каждый свободный миллиметр пространства и без того загроможденной комнате. Вымывшись, девушка сразу же решила накраситься, а потом поняла, что из-за этого на черном платье – футляре, приготовленном для выхода, образовалось огромное пятно телесного цвета. Поэтому из недр перегруженного комода пришлось извлекать выпускное платье, из-за которого на девушку тут же нахлынули воспоминания.

Любила ли Надя балет? С таким же успехом можно было бы спросить: любит ли она чистить зубы? Насколько бы глубоко ни уходили воспоминания Нади, в них всех был станок, растяжка, многочасовые упражнения, стертые пальцы и десятки, выброшенных в мусорное ведро изношенных пуантов. Для Нади, балет не был удовольствием или способом самовыражения, он был обыденной частью ее жизни, причем это случилось не по желанию девочки, а скорее наперекор ему. Ее мама была хореографом в небольшой детской студии, где девочек обычно обряжают в сарафаны, а мальчиков – в косоворотки, где дети собираются по два-три раза в неделю, и родители лишь умилительно хлопают их чадушкам-артистам. Вера Викторовна знала эту кухню изнутри и была уверена, что в любой другой новосибирской студии ее дочь, безусловно обладающую незаурядными навыками, не ждет ничего хорошего.

Поэтому сначала с малышкой занимались простенькими упражнениями, а затем поставили к станку, который установил отчим девочки в кладовки, чтобы в случае чего Надя могла заниматься растяжкой в одиночестве. Примерно так и прошли первые, самые ранние годы девочки, перемежаясь между растяжками редкими походами к учителю музыки, помогающему попадать в ритм. Затем они переехали с мамой и братом в Екатеринбург, вернее сказать, сбегали от буйного отчима, пристрастившегося к крепким спиртным напиткам. Там все началось с новой силой: станок, музыка растяжки. В уральской столице Надя попала в балетную студию, в которой по настоянию матери стала заниматься не по три раза в неделю, как все девочки, а по пять, чтобы не терять форму. И, пожалуй именно тогда, девочка поняла, что есть другие, более способные, будущие примы. И как же она их ненавидела, этих тоненьких от при-

роды маленьких ангелочках, которые без усилий делают длинные прыжки, глубокие приседы, крутят фуэте по двадцать раз, а после этого с лёгкостью продолжают свой танец. Ведь для них балет-развлечение, как куклы, которых наряжают первое время, а затем отправляют на дальнюю полку, где они и пылятся до конца времен. Надя презирала девочек, всячески стараясь показать им свою неприязнь, и это в одиннадцать-то лет. Но ее «подружки» от нее не отставали в ухищрённых пакостях. Надя портили их спортивные купальник, оставленные без присмотра в раздевалке, они резали ее стельки или ленты на новеньких пуантах. И так до бесконечности. Руководительница закрывала на это глаза, объясняя это тем, что в жестоком мире детям придется столкнуться и с более страшными вещами, чем репей в волосах и отрезанная лента. Родители девочек были наслышана об этой злой и завистливой Наде, которая вредит ее Кариноче, Аллочке, Инночке.

А Надина мама пребывала в счастливом неведении, которое усугублялось вновь появившемся у нее поклонника, способствующего округлению у женщины живота. Вера Викторовна без задней мысли отправляла дочь на танцы, задавая ей потом парочку дежурных вопросов и отправляя их с братом-пятилеткой во двор, чтобы не мешали.

Наверное, девочка озлобилась бы, превратившись в экранных стерв, насыпающих стекло в пуанты главных танцовщиц из зависти, но в ее жизни появился Петруня, который доказал, что можно танцевать просто, потому что нравится.

Он был рядом недолго, но влияния чистосердечного паренька хватило надолго, потому что в двенадцать лет Надя переехала с мамой в Петербург, где пошла в балетную школу, попав туда каким-то чудом.

Надя пришла в академию, читая про себя, как мантру, слова Пети: главное танцуй так, чтобы нравилось тебе, а не чтобы утереть нос какой-нибудь длинноногой выскочке.

Может быть, поэтому она прошла первый тур, а затем и второй. Да, юная особа была девочкой из резерва, списка в который включают детей с немного недотягивающими физическими качествами, но хорошей техникой. Ведь в итоге она из резерва все же попала в Академию.

В день заселения в школу интернат, Надя собрала свои вещи, поцеловала брата, сестренку-младенца, обняла маму, страшно гордую своей дочерью поступившей в Академию классического балета. И ушла, чтобы потом уже никогда не видеться со своей семьей, которая не занимала места в ее сердечке. Даже звонок умирающего брата через много лет не смог этого изменить, правда, к чести балерины, она не оставила мальчишку в беде.

В Академии было по-всякому. Были хорошие дни, когда прыжки казались идеальными, а прогибы достигали нужной глубины, когда соседки по комнате казались дружелюбными, делясь домашней выпечкой, припрятанной при обходе, но были сумрачные, когда Петя не писал, ее наказывали за безалаберность, девочки, собравшиеся в дружные стайки, не принимали в свои ряды молчаливую Моль, которая любила говорить сама с собой, а воскресенья проводила в классах, оттачивая движения.

Зато, как ни странно, ее любили животные. Наверное, чувствовали в ней такое же безгласное смирение и ластились к ней поэтому? Овчарка Тузик, лежащий у ворот, любил засунуть голову ей под мышку да так и лежать, наслаждаясь тем, что она чешет ему за ушком. Пес счастливо лаял, едва девочка подходила к ним, но других он не признавал, сразу скалился и вставал в боевую стойку.

Еще Надя подружилось с Мусей, кошкой «нанятой», чтобы охотиться за мышами, которых в подвалах старого здания было много. Кошка была такой же странной, как и Надя, хищница была трехногая, от чего нисколько не уступала в ловкости своим четырёхглавым сородичам, а еще она любила моченый черный хлеб, для мышиной охотницы не было ничего лучше, чем размоченная в молоке горбушка черного хлеба, пододвинутая к ней на блюдечке маленькими Надиными ручками. А в благодарность за заботу, кошка девочке пела свои мурчательные

песни, похожие одновременно на рычание сытого льва и на звук заводящейся машины. Муся, в отличие от Тузика, на руки не лезла и морду, куда ни просят не засовывала, кошка терлась о ноги, из-за чего потом пригодилось перед занятиями смывать ее белую шерсть с гетр или колготок.

Но самым экзотичным питомцем девочки была ящерка –Горыныч, устроившая себе жилье под служебным крыльцом, где летом всегда было солнечно, а зимой достаточно тепло и безопасно. Вернее, ящерка по ее собственному мнению была сама по себе, а девочка была внешним раздражителем, пар раз спасшим ее от нападения мальчишек, вырвавшихся на волю и стремящихся разнести все вокруг. Но девочка все же считала пресмыкающееся своей питомицей и приносила ей личинки тли или муравьев, когда приходила к служебному корпусу, чтобы отдохнуть. Место это было тихим, безветренным, а главное, не особо популярным. Здесь не стояли скамейки, качели или лавки, как во дворе их корпуса, который очень нравился ее одноклассникам. Ей же комфортнее было здесь, среди неухоженной травы, плешивого двора, истоптанного ногами рабочих и технических работников, рядом со старым тополем, обнесенным хлипким забором, перелезть через который было вовсе не сложно.

Поэтому Надя лазила и через забор, и на дерево. Куда угодно, лишь бы не чувствовать себя худшей, ущербной или недотягивающей, которой она себе казалась в обществе ребят.

Опять же, ее никто так не говорил, никто не смеялся или не издевался. Она была для них как человек, которого легко не заметить или проигнорировать. Иногда правда мальчишки пытались подшучивать над ней из-за чего были награждены в лучшем случае тяжелым убийственным взглядом, а в худшем – крепкой затрещиной от которой еще долго звенело в ушах.

Такое отношение сохранилось до самого выпускного, даже когда они, уже совсем взрослые, сидели за праздничным столом и пытались хоть как-то поговорить с Молью, которое перед самым выпускным получила странное письмо с шестью марками, а долго беззвучно плакала у себя в комнате, чем испугала соседок, никогда не видевших ни единой слезинки на ее лице за все эти шесть лет.

В тот вечер Надя сидела с потерянным видом, но отчего –то, нахождение в компании не казалось ей такой уж пыткой, как раньше, напротив она была не прочь пошутиться с девчонками или даже выпить припрятанного алкоголя с парнями. Но нет, она просто сидела и смотрела на расплзающиеся по стене цветные блики, напоминающее крылья пойманной оранжевой бабочки. Сегодня Надя смотрела на свое платье, как на что-о далекое и забытое.

Правда до сих пор остался след от помады на самом краешке правого рукава. Это было не важно, потому что времени катастрофически не хватало, приходилось надеется, что она не поправилась и платье благополучно сойдется на спине.

И да, платье сошлось, оно было даже слегка велико, поэтому плечи пришлось прикрыть палантином, подаренными коллегами на день рождения.

Уже сидя в метро накрашенная и разодетая Надя выдохнула, поняла, что сильно она на мероприятие не опоздает, разве что на пару минут, но это не фатально. Сейчас же можно было смотреть на экран безмолвного телевизора, установленного в вагоне метро. Там говорили про юбилей путешественницы, восьмидесятилетней женщины, которая в одиночку обогнула на простые лодки все черноморское побережье. Говорили, что Светлана, пережившая в детстве страшные события, впоследствии стала картографом, а потом и заядлым путешественником. Показывали детские фотки девочки, где ей было лет шестнадцать и она, светловолосая красотка в длинной, почти монашеской юбке, стояла в обнимку с двумя мальчиками с удивительными глазами, которые должно быть, были ее братьями или хорошими друзьями. Надя долго смотрела на эту, теперь уже бабушку, и думала о том сколько же она прекрасных мест увидела в жизни? Скольких людей поведала? И как же ей было тяжело выйти из своей зоны комфорта.

Надя ей завидовала. Но долго ее печальные размышления не продлились. Потому что объявили необходимую станцию, на которой следовали выходит и очень сноровисто двигаться

к выходу. А на высоких каблуках это было далеко не просто, даже с учетом того, что каблуки это были широкие, и устойчивые, а не столбики-спичками, на которых грациозно перемещаются большое количество москвичек.

Балерина так запыхалась, что в театре даже не могла сформулировать свое желание купить программку, а потом найти деньги, все по той же причине. Но курчавый парнишка в нелепой фиолетовой бабочке подарил ей брошюру совершенно бесплатно, а потом еще и улыбнулся, как-то искреннее и почему-то очень по знакомому. Настолько, что на Надю напала паника, с которой она надеялась расстаться уже много лет. Но, как было видно, этому не судьба было случиться. Хорошо, что таблетки от панических атак всегда лежали в сумочке.

За одну минуту и четыре часа без трети часа до...

«Гордость так и останется голодной, когда смирение всегда найдет чем набить брюхо»— говорил давным-давно дедушка маленькому Владимиру, плачущему из-за недовольного и вечно требовательного отца.

Эти слова так и остались его девизом жизни и по сей день. Только вот о правильности этого сейчас почти сорокалетний мужчина задумался. Почему он должен бежать, прислушиваться к каждому слову других, почему не должен совершать то, что нравится именно ему и обязательно так, как он хочет. Что еще им надо, как именно он должен поступить, чтобы наконец доказать отцу, что он тоже человек с гордостью и достоинством, которое не хочется каждый раз соскребать с пола. Что заставило вдруг задуматься? Наверное, прошло пришло время стать личностью и не сливаться с другими более сильными людьми. Но это завтра, а сегодня он еще отсидится в театре, выжидая непогоду, творящуюся дома.

Володя всегда был чересчур осторожен и даже трусоват, но в его ситуации это было его супер-способностью, потому что будь он нахрапистым и вечно недовольным сыном, его бы отправили куда-подальше. Но он рос прилежным, послушным и воспитанным, немного лицемерил, ради своей выгоды, но всегда в разумных пределах. Отец, уже тогда светоч нейрохирургии считал, хорошие оценки— само собой разумеющиеся, данное его детям с рождения. Мама просто гладила сына по головке и уходила в свою мастерскую, где с утра до ночи рисовала, клеила и лепила, после того, как ее уволили из больницы из-за халатности, инцидента, умело замятого дедушкиными юристами. А вот его дедушка, глава больницы и заместитель министра здравоохранения, едва приходя домой всегда интересовался успехами внука, своего любимого из трех. Однажды, когда благодаря великому чуду и невероятному везению Володя занял первое место в олимпиаде по истории дедушка сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.